

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/45/9

Т.С. Пронина

ТРАДИЦИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ «ЭКЗ-АПТАЦИЯ» ХРИСТИАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Предпринят анализ трансформаций социальной системы, которые происходят в результате использования ее ресурсов иными социальными акторами. На примере использования наследия и потенциала религий в современном российском обществе автор делает вывод, что при сохранении названия и стереотипного представления о них мы имеем дело уже с чем-то принципиально отличным от их исходного состояния.

Ключевые слова: *экз-аптация христианства, религия в современной России, традиция.*

На примере конкретных социальных систем можно увидеть, как при использовании их ресурсов другими акторами происходят существенные изменения в самих системах. В результате при сохранении названия и стереотипного представления о них мы имеем дело уже с чем-то принципиально отличным от исходного состояния, с чем-то иным. В этом случае важно ответить на два вопроса. Первый: трансформация социальной структуры есть попытка самосохранения, или же существенные изменения происходят в результате использования ее ресурсов другими акторами для своих целей? Определяющее значение для характеристики объекта имеет тот, кто использует, а не тот, кого используют. «Использование» приводит к качественным изменениям первоначальной структуры, располагающей нужными ресурсами: меняются комплекс и иерархия исполняемых функций. В связи с этим возникает второй вопрос: не правильнее ли рассматривать структуру не как самостоятельную, но как подсистему эксплуатирующего ее ресурсы актора? В статье предпринимается попытка проанализировать трансформации религиозных систем, происходящие в результате использования потенциала религиозной традиции для конструирования социальных стереотипов, идеологий, мифологем.

Активно используя «наследие вероисповедания» – религиозную риторику, моральные кодексы, культурные символы и архетипы, связанные с религиозной традицией, иные социальные акторы осуществляют своеобразное взаимовыгодное заимствование, позволяющее им решать собственные задачи. Подобный симбиоз приносит определенную пользу и религии. В интересах религиозных институтов, имеющих прагматический характер, существенно изменяется кодекс религиозных норм, регулирующих социальные практики верующих, религиями легитимируются современные социальные порядки. Происходят изменения и в религиозности последователей: меняется

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-03-00387 «Традиционные религии и религиозная идентичность в постсекулярном обществе: на основе исследования православных приходов».

отношение к религиозной истине, восприятие вероучительных положений, комплекс исполняемых религиозных практик. По мнению Р. Беллы, современные религиозные системы являются мироутверждающими, но «утверждая» этот мир, они ставят под сомнение сами исторические религии, под которыми он подразумевает христианство, ислам, буддизм, конфуцианство, индуизм, иудаизм [1. С. 268–269]. Религии претерпевают столь кардинальные функциональные изменения, что возникает вопрос, с религиями ли мы все еще имеем дело, или это уже нечто другое.

Идеологическая рецепция религии в постсоветский период, когда она выполнила роль важнейшего ресурса конструирования гражданской идентичности, мы рассматриваем как экз-аптацию¹ религии. Представители православного мейнстрима активно включились в дискурс о национальной идее, настаивая на историческом праве Русской православной церкви формировать новую идеологию. По сути, они предложили актуальную реинтерпретацию знакомой традиции, используя привычные для россиян идеологемы, моральные авторитеты и ценности [2. С. 162]. Не лишенный противоречивости каркас новой гражданской идентичности соединяет унаследованные от советской эпохи и новые сакральные смыслы. Ретроспективно ориентированное массовое сознание, архаизировано и традиционализировано – склонно искать все лучшее в мифическом «золотом» прошлом. Идеологи РПЦ настойчиво представляют идеологему о золотом веке православной империи, принимая за образец, по меткому замечанию свящ. Г. Чистякова, не евангельский идеал, а Россию К.П. Победоносцева: «В качестве примера для подражания избирается Россия второй половины XIX в. с теми охранительными тенденциями, которые были присущи в ту эпоху церковному сознанию (Победоносцев, Леонтьев, черная сотня)», а не эпоха апостолов и Христа» [3. С. 70–71].

В российском массовом сознании сформировался устойчивый социальный стереотип о положительной роли традиции и позитивном характере всего традиционного. Однако, признавая позитивное значение, следует указать и на противоречивость проявлений традиционного. Как справедливо замечает А.Ф. Черняховский, один из инициаторов создания Изборского клуба², объединившего интеллектуалов консервативных взглядов, «традиции бывают разные. Была на Руси такая традиция – крепостное право. Патриот должен ее сохранять и приумножать? Была еще традиция битья кнутом и вырывания ноздрей. Так кого надо считать патриотом: того, кто сохраняет такие традиции, или того, кто хочет от них отказаться? Испытываю некую неловкость за обращение к хрестоматийным примерам, но была традиция самодержавного правления и была традиция восстаний и народных войн против самодержавия» [5].

¹ Термин «экз-аптация» используется в контексте идей С. Жижека [4], который, в свою очередь, позаимствовал его у Стивена Джея Гулда. Он перенес термин из области палеонтологии и адаптировал к анализу социальной реальности. Заимствование, на наш взгляд, оказалось продуктивным. Исходное значение данного термина – приспособление имеющихся свойств, факторов к новым условиям, что приводит к качественной трансформации носителя этих свойств.

² Сообщество, созданное в 2012 г. группой российских интеллектуалов, позиционирующих себя как экспертов во внутренней и внешней политике в городе Изборске (отсюда и название). Председатель клуба А.А. Проханов. «Идеологическое направление Изборского клуба можно обозначить как социальный консерватизм, синтез в единую идейную платформу различных взглядов русских государственников (от социалистов и советских патриотов до монархистов и православных консерваторов)». Официальный сайт клуба.

Неоднозначно проявляется традиционное и в религиозной сфере, где традиция нивелирует протест, интенсивность веры трансформирует в миропринимательные и мироутверждающие социальные практики. В результате ритуалы, обычаи, формы социализации, культурные артефакты как внешние проявления религиозности начинают превалировать над внутренними религиозными переживаниями, духовным поиском. По словам П. Бергера, «традиция не только опосредует религиозный опыт, она его также приручает. По самой своей природе религиозный опыт является постоянной угрозой общественному порядку – не только в смысле того или иного социально-политического status quo, но также в более фундаментальном смысле жизнедеятельности. Религиозный опыт радикально релятивизирует, если не обесценивает вообще, обычные заботы человеческой жизни» [6. С. 220–221].

Понятие традиции многозначно. Мы используем концепт, синтезирующий наиболее значимые смыслы, принимая в качестве основного следующий – традиция как совокупность представлений, идей, навыков практической, интеллектуальной деятельности, стереотипов социального поведения, обычаев и др., передаваемых от поколения к поколению. В контексте рассматриваемой проблемы важно учесть особенности традиционного мышления. Оно опирается на оппозиции, чаще всего, дихотомического типа, когда третьего не может быть, ибо третье по определению предполагает сложность. Основываясь на дихотомическом принципе, традиционное мышление наиболее эффективно реализуется через абсолютизирование тезиса. Антитезис получает оценочную коннотацию с отрицательным знаком, иные, отличные от их собственных, взгляды, мнения рассматриваются как ошибочные, осознанно враждебные, их приверженцы маркируются как враги. Антитезис очень важен, так как тезис часто лишь знак, сигнал, не отсылающий к содержанию, но ориентирующий на оппозицию, на враждебность.

Носителям такого типа сознания присущ негативный тип идентичности, основной механизм формирования которой осуществляется через противопоставление «мы – они». При этом основной механизм формирования содержания «мы» – метод отрицания. Учитывая, что акты сравнения и узнавания составляют необходимую часть идентификации, следует признать, что дихотомия «мы – они» является неизбежной частью процесса коллективной идентификации. Сравнение через противопоставление позволяет осознать собственную уникальность, самобытность своего сообщества. В российском самосознании стереотип о враждебном западном мире имеет глубокие исторические корни. Столкновение политико-экономических интересов неразрывно переплетено с конкуренцией в религиозной сфере. Потому понятно, что одной из констант религиозной идентичности россиян является противопоставление Запада, с отпавшими от истины христианства католицизмом и протестантизмом, и России – хранительницы истинной веры – православной. Представители православного дискурса активно используют данный рефрен, как, например, один из главных идеологов РПЦ А. Щипков: «...именно мы являемся неовизантийцами, наследниками одной из великих европейских традиций, и по праву обладаем историческим гражданством Третьего Рима» [7].

Категория «мы» в негативной самоидентификации выступает олицетворением всего положительного, духовно высокого, здорового, нравственного. Негативное конструирование идентичности использует различные формы

экслюзивизма, прежде всего этнического и религиозного. Сознанию, имеющему негативную идентичность, свойственны архаизация и традиционализм. Это приводит к ретроспективной обращенности, когда лучшее усматривается в прошлом и прошлое становится идеалом, который необходимо возродить. Этот процесс сопровождается активным социальным мифотворчеством, позволяющим легитимировать собственную позицию. Традиция, на самом деле, конструируется интеллектуалами, имеющими политические, идеологические цели. Отношение к наследию носит избирательный характер: используются только те ресурсы, которые позволяют обосновать свою версию традиции, исторические события получают вольную интерпретацию, культурные артефакты привлекаются для артикуляции современных смыслов. Остракизму подвергается не новое как таковое, но то, что не вписывается в отстаиваемую картину мира, подрывает устои. Мифологизируется как собственный образ, при описании которого используются только положительные эпитеты – «в этих людях сохранилось неповрежденное нравственное чувство», «являются опорой любой конструктивной власти», так и образ врага, характеризуемый с помощью набора отрицательных черт, – «циничные „креативные элиты“ без роду и племени всегда власть предадут, как только появится возможность сделать революцию или поработать на богатого заграничного дядю, заинтересованного в распаде России» – дихотомическое описание из «Заявления Совета православной патриотической общественности» [8]. Идеологи традиционализма активно конструируют и свою версию истории, манипулируя историческим материалом как средством для формирования мифологем. Некоторые версии весьма примитивны, но востребованы определенной аудиторией, которая ждет простых ответов, ориентирована на схематичную стереотипизированную картину мира, как, например, фрагмент беседы известного православного интеллектуала протоиерея Всеволода Чаплина на радио «Эхо Москвы»: «Ведущая: Да, но ведь позвольте, с такой логикой можно и Сталина, например, оправдывать. Мол, да, конечно, были перегибы, но... мол эффективный менеджер... Всеволод Чаплин: Он многое сделал... Слушайте, а что, в конце концов, плохого в уничтожении некоторой части внутренних врагов?» [9].

Не случайно также, что категория «мы» как таковая безлична. Использование обезличенных маркеров «мы», «наши» обнаруживает дефицит ресурсов для наполнения идентичности положительным содержанием. «Традиционное» в данном случае представляет собой синонимичную инверсию категории «наше» как, безусловно, лучшее.

Парадоксально, но коллективное «мы» не избавляет общество от атомизации и противостояния «всех против всех». Дело в том, что эта категория становится бессодержательной с точки зрения индивидуального бытия, заставляя его подменять свою идентичность некой сверхидентичностью сообщества. В результате тип с негативной идентичностью обречен на жизненную стратегию «постоянный поиск чужаков и врагов», что необходимо для осознания собственного Я. Противопоставление «мы – они» с отрицательной коннотацией «они» – чужие, чуждые, враждебные. С. Жижек назвал «псевдодialeктической противоположностью любви» [4]. Как пример дискурсов, обозначающих подобное противопоставление, можно привести фрагмент «Заявления Совета православной патриотической общественности»: «Она (ситуация с показом фильма «Матильда»)

выявила глубинный мировоззренческий и нравственный конфликт между большинством социально активных граждан России и узкой окологкультурной тусовкой, настроенной аморально, русофобски, антинародно. Речь идет о двух вселенных – народе Божиим и новом Вавилоне» [8].

Представители негативного типа идентичности эффективно реализуют виды деятельности по модели «вся жизнь – борьба». Установка на борьбу фундирует всю их жизнь, придавая ей пафосный смысл, который романтизирует в том числе и радикальные формы борьбы с инакомыслящими. Риторика оправдания и возвеличивания таких действий связывает их с высокими и нравственными целями: помочь «слабому», защитить Отечество, отстаивать традиционные ценности. Как средство используется обращение к традиции, при этом сама традиция активно конструируется: исторические повествования, жития святых, литературно-художественная традиция становятся лишь инструментальным набором для обоснования актуальных смыслов и задач: «У нас есть святые Пересвет и Ослябя (сохранено написание источника) – это святые схимники, которых отправили на бой. Отправил их лично Сергей Радонежский. Эти люди погибли в бою, погибли за правое дело, и не просто погибли, а кого-то еще убивали»; «...у православных людей есть полное православное право на основе святых отцов, того же самого Александра Невского, взять и наказать своего врага» [8].

Первая задача в такой деятельностной стратегии – найти врага. На месте последнего может оказаться кто угодно. «Персональность» здесь не важна, главное, чтобы был объект для самоидентификации от противного. Как сформулировал при описании «одномерного» испуганного человека современных обществ Г. Маркузе, «мобилизация против врага действует как могучий стимул» [10. С. 29]. Но такой тип консолидации также носит негативный характер и имеет краткосрочный сценарий. Он не предоставляет ресурсов для наполнения идентичности положительным содержанием и действует только на поддержание противостояния. Постоянное подпитывание образа «врага» превращает общество в обороняющееся общество. Подобная стратегия потенциально опасна, так как мифологический прагматизм способен рационализировать преступные акты с известной аргументацией: «во имя интересов многих будущих поколений», «ради сохранения духовности и традиционных ценностей» допустимо уничтожение стольких-то людей, ну, или, хотя бы ограничение их свободы, прав: «...пораженное безумием целое санкционирует безумность частных проявлений и превращает преступления против человечества в рациональную предприимчивость» [10. С. 68].

Представители негативного типа идентичности успешно разрабатывают стратегии противостояния и борьбы, но обнаруживают острый дефицит позитивных моделей деятельности, и при уходе от дихотомического принципа мышления и поведения теряются, наращивают агрессивные формы поведения, «ибо Враг существует постоянно – не только в чрезвычайной ситуации, но также и при нормальном положении дел. Он равно угрожает как во время войны, так и в мирное время (причем, пожалуй, даже больше, чем в военное); он, таким образом, встраивается в систему как связующая ее сила» [10. С. 67].

В дискурсах активно эксплуатируются в разных инверсиях категории добра и зла: все «наше» – доброе, иное – злое. Одобряемое в собственной системе координат оценивается как положительное, правильное; не одобряемое

же без осмысления содержания клеймится как негативное, деструктивное: «...провокации нескольких преступников для того, чтобы призывать к репрессиям против всей православной общественности, добиваться лишения ее права на голос и на участие в политическом процессе» [8].

Несмотря на активную эксплуатацию понятия добра, негативной идентичности свойствен нравственный тоталитаризм, так как зло – это то, что не вписывается в собственную моральную, мировоззренческую систему. Таким образом, категории добра и зла не имеют абсолютного содержания, релятивируются в зависимости от актуальных смыслов. Данное положение служит еще одним аргументом в пользу основного вывода об экз-аптации христианства в такой конструкции идентичности, поскольку в христианстве присутствует моральный абсолют.

Т. Адорно в работе «Исследование авторитарной личности» анализирует причины того, почему приверженные традиции законопослушные немцы массово приняли нацистские идеи. Патриотизм и традиции он рассматривает как культурные эквиваленты христианства, свидетельствующие о его действительной нейтрализации: «Оторванные от своего происхождения, лишённые специфического содержания, эти элементы христианства легко становятся застывшими формулами и принимают просто непримиримые формы, проявляющиеся у лиц, подверженных предрассудкам и предубеждениям». В результате «принадлежность к вероисповеданию приобретает форму агрессивной фатальности, подобную чувству принадлежности к особой нации», и «чем традиционнее религия, тем в большей степени она совпадает со взглядами этноцентричного индивидуума». И для «приличных», т.е. традиционализированных, людей, «для которых „второй натурой“ стала привычка посещать церковь, и в то же время воспринимается как само собой разумеющееся, что евреи не допускаются в их клуб» [11].

Традиционное преломляет сквозь свою призму все ценностные константы. В результате черное может стать белым, и наоборот. Как пример такой манипуляции еще один фрагмент из беседы В. Чаплина: «Ведущий: ...Как ваша вера соотносится с уничтожением, фактически убийством людей? В. Чаплин: Самым прямым образом. Бог сам уничтожал целые народы – знаем это из Ветхого Завета, – он будет поражать смертью огромные массы людей, в том числе детей, женщин, инвалидов и так далее, и мы об этом знаем из Апокалипсиса» [9].

Чем более стереотипизировано сознание верующего религиозной традицией, тем более он сосредоточен на собственной избранности и более нетерпим к инакомыслящим, поскольку традиция провоцирует на «автоматические» реакции. Стереотипизация сознания и вовсе способна отрывать объект от его свойств, и тогда агрессия может быть направлена просто на объект, даже если он не обладает ненавидимыми свойствами. И главным оказывается само агрессивное поведение, которое ищет объект для приложения агрессии. Дело в том, что происходит обратное влияние – стереотипы формируют опыт, поскольку стереотипизирование лишает способности приобретать опыт. Стереотипизированное сознание создает псевдореальность, наделяя ее негативными характеристиками. В результате «носитель зла» обречен на ненависть и бессилён оправдаться. Усвоение стереотипов есть проекция индивидуальных страхов и отсутствия собственного мнения, понимания. Согласимся с Т. Адорно в том, что это тип ущербного сознания.

Стереотипизированное сознание тесно связано с традицией, основанной на партиципации. Оно оперирует константами, которые освящаются традицией. Поскольку оно невосприимчиво к противоречиям, то традиция оценивается внелогически как только положительное. Отсылки к православной традиции конструкторов негативной идентичности заключают в себе определенное противоречие. Национализация христианства, так же как и его «огосударствливание» – использование «наследия вероисповедания» для формирования национальной идеологии, есть экз-аптация христианства. Это позволяет не только нивелировать сущностную нереспектабельность христианства. Происходит эволюция самого христианства: при сохранении живой веры в людях и отдельных сообществах, образуется и крепнет его симулякр в форме гражданско-идеологической рецепции. Парадокс заключается в том, что Христос неудобен для всего традиционного: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Послание к Галатам 3 : 28.)

Интенсивный религиозный опыт имеет индивидуальное проявление, традиция же общезначима и предполагает формализацию религиозного опыта. Мессиянство плохо коррелирует с экономическими и политическими порядками, социальными институтами, не связано с хозяйством или семьей: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, и притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14 : 26). С точки зрения самосохранения для социальной системы предпочтительнее вера как традиция с «рутинизацией харизмы», со снижением интенсивности переживаний, миссианского порыва [12]. Социальная общность, стремясь к самосохранению, постепенно переносит харизму с ее носителя на формируемую традицию. Священным становится коллективный интерес. Со временем первоначальный идеал заслоняется освящением традиции и ее трансляторов. Формируются социальные институты, которым делегируются права представлять традицию и использовать ее харизматическое наследие, в том числе для решения задач, способствующих их самосохранению. По этой причине в идеологическом дискурсе национализированная инверсия христианства превалирует над содержанием проповеди Христа.

Таким образом, христианство для структурированной социальной системы – это опасная девиация, которая угрожает ее существованию, поскольку отменяет любую внешнюю иерархию, заменяя ее иерархией ступеней духовного пути. Христианство представляет потенциальную опасность и для институализированной религиозности, поскольку объявляет для каждого возможность непосредственного общения с Абсолютом, независимо от конфессиональной, национальной, территориальной принадлежности. Христиане, мы согласимся с С. Жижекком, сущностные «отщепенцы». Приходится признать верность парадоксального утверждения: христианство нетрадиционно, христианство – это неповторимый и уникальный опыт встречи каждого с Христом.

Литература

1. Белла Р. Социология религии // Американская социология : Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 265–281.
2. Пронина Т.С. Религия и идентичность: «Homo post-Sovieticus» в поисках себя // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2017. № 3. С. 161–173.

3. Чистяков Г., свящ. Проблемы самоопределения православного самосознания // Религия и идентичность в России / сост. и отв. ред. М.И. Степанянц. М., 2003. С. 68–81.
4. Жижек С. Хрупкий абсолютизм, или Почему стоит бороться за христианское наследие // Медиатека. Предание.ру. URL: <https://predanie.ru/zhizhek-slavoy/book/216410-hrupkiy-absolyut-ili-pochemu-stoit-borotsya-za-hristianskoe-nasledie/> (дата обращения: 13.09.2018).
5. Черняховский С.Ф. Белое и красное // Плаха. 1917–2017. : Сборник статей о русской идентичности. М., 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://notices.com/book.php?id=211547&page=1> (дата обращения: 11.02.2018).
6. Бергер П. Религиозный опыт и традиция // Религия и общество : Хрестоматия по социологии религии. М., 1994. С. 219–228.
7. Щипков А. Похищение русской идентичности // Плаха. 1917–2017 : Сборник статей о русской идентичности. М., 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://notices.com/book.php?id=211547&page=1> (дата обращения: 11.02.2018).
8. Заявление Совета православной патриотической общественности. 29.09.2017 // Ортодоксия. Территория жизни. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ortodoksiya.ru/index.php/60-avstraliya/499-spory-vokrug-matildy-konflikt-dvukh-vseleennykh-zayavlenie-soveta-pravoslavnoj-patrioticheskoy-obshchestvennosti> (дата обращения: 15.11.2017).
9. Всеволод Чаплин – Персонально ваш – Эхо Москвы. 15.08.2016 // URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalnovash/1818964-echo/> (дата обращения: 12.02.2018).
10. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. 368 с.
11. Адорно Т. Исследование авторитарной личности // Библиотека Гумер. Социология [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Adorno/index.php (дата обращения: 13.09.18).
12. Вебер М. Хозяйство и общество. Т. 1: Социология. М., 2016. 445 с.

Tatiana S. Pronina, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: tania_pronina@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 83–91.

DOI: 10.17223/1998863X/45/9

TRADITION AND THE IDEOLOGICAL “EXAPTATION” OF CHRISTIANITY IN MODERN RUSSIA

Keywords: exaptation of Christianity; religion in modern Russia; tradition.

The article analyzes the transformations of the social system that occur as a result of the use of its resources by other social actors. Using the example of the use of the heritage and the potential of the religious tradition for the construction of social stereotypes, ideologies, mythology in contemporary Russian society, the author concludes that, with the preservation of the name and stereotyped image of them, we are dealing with something fundamentally different from their original state. The ideological reception of religion in the post-Soviet period, when it fulfilled the role of the most important resource of creating a civic identity, is estimated as an exaptation of religion. This term, borrowed from Slavoj Žižek, is an instrument in the analysis of the transformations of the religious system. Thus, the author points to the ambiguity of the traditional manifestation in the religious sphere, where tradition neutralizes the protest, the intensity of faith transforms into world-accepting and world-affirming social practices. As a result, rituals, customs, forms of socialization, cultural artifacts as external manifestations of religiosity begin to prevail over internal religious experiences, spiritual search. The next important thesis about the connection between traditional thinking and negative identity is illustrated by an analysis of discourses on the themes of ideology, traditions, places and role of the church in society. Negative construction of identity uses various forms of exclusivism, primarily ethnic and religious. This process is accompanied by active social myth-making, which allows legitimizing one’s own position. Tradition, in fact, is designed by intellectuals who have political, ideological intents. The attitude to the heritage is selective: only resources that allow one to substantiate their version of the tradition are used; historical events receive a free interpretation, cultural artifacts are used to articulate modern senses. Tradition is meaningful for everyone, and it formalizes religious experience. From the point of view of self-preservation, faith as a tradition is preferable for a social system. The social community, striving for self-preservation, transfers charism from personality to the formed tradition. The collective interest becomes sacred. Thus, Christianity for a structured social system is a dangerous deviation that threatens its existence; it is not traditional.

References

1. Bella, R. (1972) *Sotsiologiya religii* [Sociology of Religion]. In: Osipov, G.V. (ed.) *Amerikanskaya sotsiologiya. Perspektivy, problemy, metody* [American Sociology. Prospects, Problems, Methods]. Translated from English by V.V. Voronin, E.V. Zinkovsky. Moscow: Progress. pp. 265–281.
2. Pronina, T.S. (2017) *Religiya i identichnost': "Homo post-Sovieticus" v poiskakh sebya* [Religion and identity: "Homo post-Sovieticus" in search of thmeselves]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 3. pp. 161–173.
3. Chistyakov, G. (2003) *Svyashch. Problemy samoopredeleniya pravoslavnogo samosoznaniya* [Holy. Problems of self-determination of Orthodox self-consciousness]. In: Stepanyants, M.L. (ed.) *Religiya i identichnost' v Rossii* [Religion and Identity in Russia]. Moscow: [s.n.]. pp. 68–81.
4. Žižek, S. (n.d.) *Khrupkiy absolyut, ili pochemu stoit borot'sya za khristianskoye naslediyе* [The Fragile Absolute: Or, Why is the Christian Legacy Worth Fighting For?]. Translated by V. Mazin. [Online] Available from: <https://predanie.ru/zhizhek-slavoy/book/216410-hrupkiy-absolyut-ili-pochemu-stoit-borotsya-za-hristianskoe-nasledie/>. (Accessed: 13th September 2018).
5. Chernyakhovskiy, S.F. (2015) *Beloye i krasnoye* [White and Red]. In: Shchipkov. V. (ed.) *Plakha. 1917–2017. Sbornik statey o russkoy identichnosti* [Scaffold. 1917–2017. Collection of Articles on Russian Identity]. Moscow: Litres. [Online] Available from: <https://unotices.com/book.php?id=211547&page=1>. (Accessed: 11th February 2018).
6. Berger, P. (1994) *Religioznyy opyt i traditsiya* [Religious experience and tradition]. In: Garadzha, V.I. (ed.) *Religiya i obshchestvo. Khrestomatiya po sotsiologii religii* [Religion and Society. A Reader on the Sociology of Religion]. Moscow: Nauka. pp. 219–228.
7. Shchipkov, A. (2015) *Pokhishcheniye russkoy identichnosti* [The abduction of Russian identity]. In: Shchipkov. V. (ed.) *Plakha. 1917–2017. Sbornik statey o russkoy identichnosti* [Scaffold. 1917–2017. Collection of Articles on Russian Identity]. Moscow: Litres. [Online] Available from: <https://unotices.com/book.php?id=211547&page=1>. (Accessed: 11th February 2018).
8. Council of Orthodox Patriotic Public. (2017) *Zayavleniye Soveta pravoslavnoy patrioticheskoy obshchestvennosti* [Statement by the Council of the Orthodox patriotic public]. September 29, 2017. [Online] Available from: <http://www.ortodoksiya.ru/index.php/60-avstraliya/499-spory-vokrug-matildy-konflikt-dvukh-vselennykh-zayavlenie-soveta-pravoslavnoj-patrioticheskoy-obshchestvennosti>. (Accessed: 15th September 2017).
9. Chaplin, Vs. (2016) *Vsevolod Chaplin – Personal'no vash – Ekho Moskvy* [Vsevolod Chaplin – Personally yours – Echo of Moscow]. Interview with Vs. Chaplin. August 15, 2016. [Online] Available from: <https://echo.msk.ru/programs/personalnovash/1818964-echo/>. (Accessed: 12th February 2018).
10. Markuze, G. (1994) *Odnomernyy chelovek* [One-dimensional man]. Translated from English by A. Yudin. Moscow: Yermak, Neoclassic, AST.
11. Adorno, T. (n.d.) *Issledovaniye avtoritarnoy lichnosti* [The study of the authoritarian personality]. [Online] Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Adorno/index.php. (Accessed: 13th September 2018).
12. Weber, M. (2016) *Khoz'yaystvo i obshchestvo* [Economy and Society]. Vol. 1. Translated from Germn by L.G. Ionin. Moscow.